

КОНЦЕПТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАКТИКУ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Более полувека в научном сообществе, в официальных государственных документах, на быденном уровне находят широкое употребление такие «родовые» и опосредованные понятия теории информации, как «информация» и «информационные процессы», «новые информационные технологии» и «информатизация общества», «информационное общество» и/или «постиндустриальное общество». До сих пор не прекращаются дискуссии об адекватном значении и функциональной нагрузке этих понятий, включающие бесконечную вариативность научных выводов и множественность интерпретаций в этом вопросе. Более того, за полувековой период диалектика стремительно изменяющихся социальных явлений и процессов диктует пересмотр различных трактовок сер. и к. XX в., явно устаревших в первом десятилетии XXI в., разработку новых интерпретаций, адекватных постоянно возникающим инновационным реалиям в обществе. Неоднозначную оценку, прежде всего, вызывает понятие, которым сегодня определяют современное общество. Его называют информационным и/или постиндустриальным обществом, технотронным обществом, обществом знаний (knowledge-based society), когнитивным или открытым обществом. Эта ситуация связана с плюрализмом концепций, разработанных еще во второй половине XX в. представителями различных научных направлений средствами технологического, экономического, политического и социального дискурсов. В основе практически всех этих концепций лежит методологический принцип триадичности «традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество» Д. Белла и так называемая трехсекторная модель общественного производства – «первичный сектор (сельское хозяйство) – вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг)», разработанная в конце 40-х годов XX в. американским экономистом К. Кларком в работе «Экономика в 1960 г.» и французским обществоведом Ж. Фурастье в книге «Великая надежда XX в.» [1; 2, с. 15].

Собственно основы концепции информационного общества и идеологические предпосылки теоретического осмысления развития социума во второй половине XX в. были заложены в конце 1950-х гг. в работах американского экономиста – одного из первых исследователей информационного сектора экономики США – Ф. Махлупа [2] и японского этносоциолога Т. Умесао (заслуга во введении самого термина «информационное общество» приписывается профессору Токийского технологического университета Ю. Хаяши) [3, р. 18]. Квинтэссенцией их аналитических выкладок стало понимание того, что конечным продуктом на рынке информационных услуг является знание, что информация и знания становятся мощным социальным, экономическим и политическим фактором, способным конкурировать и даже доминировать над традиционными экономическими структурами, системами политического и хозяйственного управления. Подобной позиции придерживался и известный американский экономист М. Порат [4, р. 15-17].

Вначале 1960-х гг. процессы «информационного метаболизма», получившие импульс в связи с «информационным взрывом» середины XX в., начали оказывать серьезное влияние на все сферы социальной жизни США, Японии и стран Западной Европы, представители научного истеблишмента США озаботились существенными различиями американского и европейского капитализма середины XX столетия от классического индустриального капитализма, еще описанного К. Марксом и существовавшего до Великого Кризиса 1929-1933 гг. По инициативе Американской академии гуманитарных и точных наук была создана комиссия под руководством Дэниела Белла, которой было

поручено проанализировать текущее состояние и ведущие тенденции развития страны в ближайшие десятилетия. Отчет был опубликован в 1967 г., а в 1973 г. вышло в свет фундаментальное издание «Грядущее постиндустриальное общество» [5], в котором был использован оригинальный методологический прием, так называемый «осевой принцип», который явился своеобразным критерием систематизации развития общества. В отличие от марксизма, который формирует понятия «феодализм», «капитализм» и «социализм» и располагает их вдоль оси, за которую приняты отношения собственности, Д. Белл понятия «индустриальное общество» и «постиндустриальное общество» разместил как концептуальные ряды вдоль оси, за основу которой он принял производство и виды используемых знаний. Д. Белл предположил, что, если главными чертами индустриального общества являются капитал и труд, то в постиндустриальном – информация и знания. Таким образом, Д. Белл предложил рассматривать историю как процесс развития общества от доиндустриального – через индустриальное – к постиндустриальному, в которых информация и знания играют определяющую роль. Известный социальный философ Элвин Тоффлер, прославившийся своей концепцией трех волн, оценивая общество, в котором информация и информационные ресурсы начинают занимать центральное место, предложил называть его «супериндустриальным» и трактовать как компьютерно-информационную цивилизацию третьей волны в истории человеческого развития. В 60-е-70-е гг. практически параллельно начинают разрабатываться не только экономические и технологические, но социологические и социально-философские концепции, предлагающие различные варианты объяснения социокультурной реальности. Импульс к конвергенции информационного общества с постиндустриальным придал японский ученый Й. Масуда, который в работе «Информационное общество как постиндустриальное общество» высказал утверждение, что информационная революция влечет за собой общественные перемены, которые вызывают трансформацию современной системы в новый тип человеческого общества [6, р. 77]. В 1980 г. Д. Белл представил научной общественности свой вариант конвергенции идей постиндустриализма и информационного общества в книге «Социальные рамки информационного общества». Выражение «информационное общество» у Д. Белла определяет новое название для постиндустриального общества, подчеркивающее не его положение в последовательности ступеней общественного развития – после индустриального общества, а основу определения его социальной структуры – информацию [5, с. 58-59]. В этой работе Д. Белл придает ведущее положение информации, включенной в функционирование научного знания и получаемой благодаря такому знанию, подчеркивая, что информационное общество обладает всеми характеристиками постиндустриального общества. По его мнению, в XXI в. «... решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знаний, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях» [7, с. 59]. В настоящее время концепция информационного общества одобрена на межгосударственном политическом уровне (Окинавская хартия глобального информационного общества) и реализуется в таких наиболее развитых странах мира, как США, Великобритания, Канада, Франция, Япония, ФРГ, Малайзия и др, а в качестве основополагающей сегодня принята следующая трактовка понятия «информационное общество» – это концепция постиндустриального общества; новая историческая фаза в развитии человеческого общества цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания [9]. Что же касается сущности понятия «постиндустриальное общество», то необходимо подчеркнуть ее наиболее базисные концептуальные характеристики, позволяющие противопоставить постиндустриальное общество индустриальному и доиндустриальному (также называемому традиционным), которые отображены в таблице 1

Таблица 1 – Сравнительные базисные концептуальные параметры доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества

Параметры	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
1	2	3	4
Основной производственный ресурс	Сырье	Энергия	Информация и знания
Тип производственной деятельности	Добыча (extraction)	Изготовление (fabrication)	Последовательная обработка (processing)
Характер базовых технологий	Трудоемкие	Капиталоемкие	Наукоемкие
Структуризация секторов общественного производства	Сельское хозяйство и добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Сфера услуг
Тип взаимодействия с окружающей средой	Взаимодействие человека с природой	Взаимодействие с преобразованной человеком природой	Взаимодействие между людьми
Характер личностных взаимоотношений (социальные связи)	Имитация действий других людей	Усвоение знаний и возможностей прошлых поколений	Интерперсональное комплексное взаимодействие
Формы деятельностного самосовершенствования человека	Фенономическая деятельность	Экономическая деятельность	Генономическая деятельность
Внешняя форма экономической деятельности	Работа или деятельность по отделению вещества от природы и по доставке его потребителю	Труд как целесообразная деятельность, направленная на преобразование формы вещества природы для удовлетворения потребностей человека	Созидание, т.е. создание материальных и духовных благ, формы которых отсутствуют в природе
Комплексность общества и социальной структуры	Сосуществование		
Источник: составлено автором по [9; 10; 11]			

Вне зависимости от различных точек зрения на сущность информационного и постиндустриального обществ и их характерных черт современные реалии демонстрируют все более растущее значение информации как важного ресурса общества, оказывающего влияние на все стороны социально-экономического, технологического и культурного развития развитых и развивающихся стран. Информация становится предметом массового потребления у населения, формируется рынок информации и знания как фактор производства наравне с рынком природных ресурсов, труда и капитала, происходит интенсивное и опережающее развитие информационного сектора экономики и т.д.

Само понятие «информация» (от лат. «informatio» > представление, понятие, разъяснение) в течение длительного времени претерпевало эволюцию от интуитивно понятного и не нуждающегося в определении до философско-осмысленного понимания его сущности, и в настоящее время имеет более сотни определений. Подобная ситуация связана с развитием различных концепций о природе понятия «информация», разрабатываемых разными научными направлениями и фиксирующими определенную его сторону и область применимости к своей науке. Отсюда возникновение таких определений, как «мера разнообразия в природе и обществе...» / «степень организационной сложности технических, природ-

ных и социальных систем» Уильяма Р. Эшби [12, с. 48, 257], «оригинальность, новизна и мера сложности структур» Абрахама А. Моля [13, с. 77], «сообщения, годные к употреблению» Д. Харраха [14, р. 6], «уменьшение или устранение неопределенности» Р. Карнапа и Й. Бар-Хиллела [15, р. 5] и т.д.

Практически эта эволюция явилась отражением четырех социокультурных феноменов (их называют информационными революциями), преобразовавших общественные отношения из-за кардинальных изменений в сфере переработки информации:

- Возникновение письменности (переход от вербальной к знаково-символьной передаче информации и к ее длительному хранению). Человек впервые получил искусственную внешнюю память. Организация почтовых служб способствовала использованию письменности как средства для передачи информации. Возникновение письменности стало необходимым условием для развития науки.

- Изобретение книгопечатания в середине XVI в. (переход к более широкому распространению информации, решение проблемы авторства источника информации и т.д.). Воспроизведение информации было поставлено на поток, на промышленную основу. По сравнению с предшествующим феноменом книгопечатание не столько увеличило возможности для хранения информации (выигрыш был связан с уменьшением вероятности ее потери), сколько повысило доступность к информации и точность ее воспроизведения.

- Открытие электричества в конце XIX в. (переход к оперативной передаче больших объемов информации на значительные расстояния с высокой скоростью распространения) привело к возникновению таких мощных средств связи как радио, телефон, телеграф, позднее – телевидение. Помимо средств связи появились новые возможности по получению и хранению информации – фотография и кинематограф. Крайне важным для процессов обработки информации стало появление первых электромеханических вычислительных машин, затем на электронных лампах (начало 50-х гг. XX в.), полупроводниковых элементах (конец 1950-х гг.) и интегральных схемах (начало 1960-х гг.), разработка методов записи информации на магнитные носители (магнитные ленты и диски).

- Изобретение микропроцессорной технологии и персональных компьютеров (так называемая «микрокомпьютерная революция») в середине XX в. (переход к хранению и переработке огромных массивов информации и расширение «демократического» доступа к информации). К этому времени были внедрены три фундаментальных инновации: полный переход от механических и электрических средств преобразования информации к электронным; миниатюризация всех узлов устройств, приборов, машин; создание программно-управляемых устройств и процессов.

Таким образом, эволюционно развивавшаяся технологическая составляющая информации диктовала потребность в разработке ее теоретической стороны, и, прежде всего, разработки количественного аспекта информации, абстрагированной от ее смыслового содержания.

Сам термин «информация» был введен в науку в 1928 г. американским инженером Р. Хартли для обозначения меры количественного измерения сведений, распространяемых по техническим каналам связи. Однако использованный им комбинаторный подход оказался неудобным для определения меры количества информации. Но несомненная заслуга Р. Хартли заключена во введении им специальной единицы измерения, названной битом (bit) информации (8 битов = 1 байт) и являющейся сегодня базовой единицей измерения количества информации и объема памяти компьютера.

В основу количественной (математико-статистической) теории информации легли идеи оптимизации передачи информации по телефонным и телеграфным линиям Клода Э. Шеннона [16, с. 58]. Для того, чтобы решить проблему оптимального кодирования передаваемых сигналов и их пропускную способность, минимизации уровня шумов и помех при передаче сообщений, ему пришлось сформулировать собственное понятие информации и пути определения ее количества. В своих работах к. 1950-х гг. он определил количество информации через энтропию – величину, известную в термодинамике и статистической физике как меру разупорядоченности системы, а за единицу информации принял то, что было названо Р. Хартли «битом», т.е. выбором одного из двух равновероятных вариантов [16, с. 5]. Однако информация в представлении К. Шеннона и Р. Хартли отображала оценку одной из ее сторон – синтаксическую (отношение сигналов, знаков, сообщений друг к другу), самую низшую из триады семиотических характеристик информации.

Заслуги в разработке двух других, содержательного (семантического) и ценностного (прагматического) аспектов, уже принадлежали кибернетической теории информации. Еще греческий философ Платон использовал термин «кибернетика» (слово «kubernētēs» – заимствование из двух слов греческого языка, кибер – «над» и наутис – «моряк», вместе означающее «рулевой», «кормчий») для обозначения искусства управлять обществом. Андре-Мари Ампер в 70-е гг. XIX в. в своих «Очерках по философии наук», посвященной систематизации известных в тот период научных направлений, выделил уже науку об изучении способов управления обществом, дав ей то же название. Но в те годы

кибернетика не имела математической и технической основы и была забыта почти на 200 лет. Лишь к середине XX в. Норбертом Винером был обоснован принцип единства информации и управления, который особенно важен для анализа сущности процессов, протекающих в стремящихся к устойчивости и выживаемости самоуправляющихся, самоорганизующихся биологических и общественных системах. Выдвинутая ученым концепция предполагала, что процесс управления в упомянутых системах является процессом переработки информации некоторым центральным устройством (например, мозгом человека или процессором ЭВМ), получаемым от источников первичной информации и передачи ее в те участки системы, где она воспринимается элементами системы как руководство к выполнению тех или иных действий. Причем главную роль при осуществлении этого «жизненного» цикла играла содержательная часть информации [17, с. 178]. Как видно из вышесказанного, семантический аспект рассматривал уже отношения двух сторон: информации и воспринимающего субъекта, так как одна и та же информация для двух разных объектов обладает различным смыслом (мерой истинности), тогда как синтаксический аспект информации требует рассмотрения лишь одной стороны, то есть самой информации (ее количественной меры).

Одна из популярных моделей семантической информации была сформирована в 60-е годы XX в. Теория, которая легла в основу новой концепции, основывалась на предположении, что знание можно описать в виде тезауруса, который изменяется под воздействием сообщения [18, с. 79]. Мера его изменения и есть мера семантической информации, содержащейся в сообщении не только научного, но и обыденного характера.

В развитии прагматических теорий информации сыграли большую роль работы американского логика Д. Харраха, построившего логико-прагматическую модель коммуникации, предлагающую учет общественного характера человеческой коммуникации. В соответствии с ней получаемые сообщения должны быть сначала подвергнуты обработке, после которой выделяются сообщения «годные к употреблению». Именно к совокупности годных к употреблению сообщений должны быть применены критерии прагматической ценности информации. Трехстороннее отношение между информацией, субъектом и целью, заключающейся в получении ценной, нужной, актуальной информации (аксиологический аспект), также было изучено с помощью теоретико-вероятностного подхода А.А. Харкевичем [19, с. 35].

Разработка различных концепций теории информации и широкое использование средств коммуникации и цифровых вычислительных машин для хранения, поиска и обработки информации, содержащейся на бумажных носителях в 70-е г. XX в. привели к созданию информационно-поисковых систем (ИПС) и баз данных научной и научно-технической информации [20] по всем областям знаний и человеческой деятельности (например, САЦНИОН – сети автоматизированных центров информации по общественным наукам ИНИОН АН СССР, которой активно пользовались ученые из Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР до нач. 90-х гг. XX в.) [21, с. 7].

Следует подчеркнуть, что направление, связанное с созданием, переработкой, поиском и хранением именно научной или научно-технической информации, в СССР первоначально называли информатикой и определяли ее как «научную дисциплину, изучающую структуру и общие свойства научной информации, а также закономерности всех процессов научной коммуникации» [23, с. 15]. Позднее, к середине 1980-х гг., в условиях стремительного развития микропроцессорной компьютерной техники в стране было принято решение о придании самостоятельного статуса информатике как области человеческой деятельности, связанной с процессами преобразования информации с помощью компьютерной техники.

Сам же термин «информатика» (синтез двух французских слов – *information* > информация + *automatique* > автоматика), появившийся в нач. 1960-х гг. во Франции (Ф. Дрейфус), подразумевал интегральную науку об «осуществляемой с помощью автоматических средств целесообразной обработке информации, рассматриваемой как представление знаний и сообщений в технических, экономических и социальных областях». В отличие от французской версии, информатика в СССР стала трактоваться «как комплексная научная и инженерная дисциплина, изучающая все аспекты разработки, проектирования, создания, оценки, функционирования основанных на ЭВМ систем переработки информации, их применения и воздействия на различные области социальной практики» [цит. по: 24, с. 8].

Успехи советских ученых в области кибернетики и информатики и интенсивное развитие электронно-вычислительной техники инициировали серьезные перемены в общественном сознании и подвигли философов уделить значительное внимание таким новым для них категориям, как информация, управление, и уточнить понимание старых – связи и системы. В результате уже в 1970-е гг. начала оформляться теория информации как общенаучная методология, связывающая понятие информации не только с разнообразием, но и с категорией отражения. Именно философское понимание отраже-

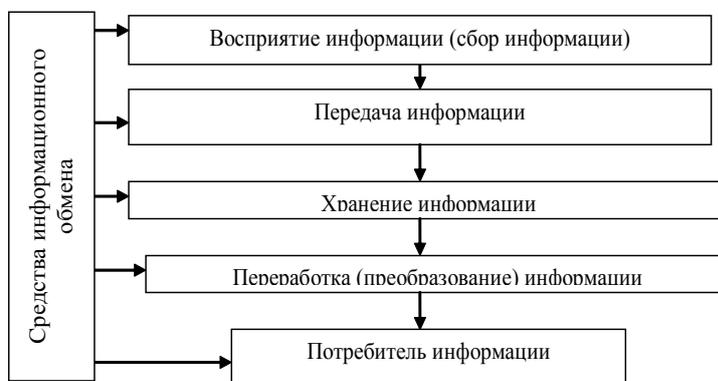
ния как всеобщего свойства материи оказалось методологически плодотворным для проникновения в сущность информации. Согласно предложенной философами общей концепции, природа информации заключена в разнообразии, а количество информации выражает количество разнообразия [25, с. 5]. Одно из наиболее общих определений информации, близкое к концепции разнообразия, принадлежит академику В.М. Глушкову: «Информация, в самом обычном ее понимании, представляет собой меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы» [26, с. 9].

Анализ существующих философских определений содержания информации показывает, что сложилось два основных подхода к определению понятия информации – функциональный и атрибутивный [27, с. 8-10]. Сущность первого подхода отражена в положении о том, что информация является результатом (функцией) деятельности человеческого сознания и не присуща неживой природе. Представители второго подхода утверждают, что информация является неотъемлемым свойством (атрибутом) материи, и поэтому может проявлять себя во всех объектах, процессах и явлениях как живой, так и неживой природы. Среди сторонников атрибутивного подхода наиболее аргументированной и конструктивной представляется концепция, разработанная А.Д. Урсулом, одним из первых обосновавшим связь сущности информации с философской категорией отражения. Он отмечает, что при рассмотрении понятия информации необходимо учитывать его онтологический (раскрытие взаимоотношения информации и отражения) и гносеологический (выяснение взаимоотношения информации с познавательным образом и знанием) аспекты (статусы), с осмыслением места и роли семантической информации в общей системе логико-гносеологических феноменов в жизни общества. А.Д. Урсул выделяет также такие аспекты информации, как теоретико-отражательный, физический, семантический, аксиологический, семиотический, коммуникативный, казуальный, качественный, количественный и др. [27, с. 24].

В условиях сложившегося плюрализма мнений о природе информации непродуктивно отдавать предпочтение той или иной трактовке информации, «монополизировать» ее положение в науке, попросту отбросив все остальные. Необходимо выделять весь спектр существующих точек зрения, анализируя и сравнивая их. Специфика информации определяется, в первую очередь, основной целью функционирования системы. С этой точки зрения информацией считаются все сведения об объекте, полезные и ценные человеку, обществу и т.д. Если данные сведения не нужны, то они представляют «шум», «помехи», а не информацию, а если способствуют принятию неверных решений, то являются дезинформацией или, как выразились бы историки, мифологизацией [28, с. 5].

Ученые приходят к убеждению, что краткой по форме, но универсальной, целостной характеристики понятия информации, в сжатом виде выражающей ее содержание, на сегодня не существует. Существование различных точек зрения говорит о сложности, многоаспектности самого феномена информации, и каждое понятие является формой адекватного выражения не только наиболее существенных сторон, но и отдельных граней вполне определенного объективно существующего явления, каковым является информация в современном обществе. Несмотря на различные современные подходы к пониманию сути информации, в целом авторитетное научное сообщество согласно с положением о том, что информация связана не только с материей, но и в высших своих проявлениях – с сознанием, обладает функциями разнообразия и отражения. Более того, информация как общенаучная категория стоит в одном ряду с энергией и веществом, является атрибутом материи и носит всеобщий характер.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА

Рисунок 2 – Пример взаимодействия основных форм информационного процесса (составлено автором по [29, с. 14])

Информационные процессы или движение информации в различных информационных системах являются необходимым условием жизнедеятельности любого организма, биологического, общественного или машинного, и проявляются в виде четырех основных форм: восприятия, передачи, хранения и переработки информации (рисунок 2).

Если реализация информационных процессов в машинных устройствах достаточно алгоритмизирована и осуществляется за счет технических и технологических средств (например, компьютера и информационных технологий), то движение социальной информации в социальных системах представляет гораздо более сложный и специфический процесс. Отсюда и трудности в определении сущности понятия «социальная информация», которая, как и понятие «информация», имеет множество толкований. Например, социальную информацию определяют как:

- совокупность сведений, объективно необходимых для устойчивого функционирования социального организма [30, с. 73];

- совокупность знаний, сведений, данных и сообщений, которые формируются и воспроизводятся в обществе и используются индивидами, группами, организациями, различными социальными институтами для регулирования социального взаимодействия, общественных отношений и процессов [31, с. 1];

- составную часть информации, которая «является свойством высокоорганизованной материи и представляет собой сведения о материи (обо всех ее формах и направлениях), которые извлекаются, генерируются, порождаются и могут преобразовываться (в том числе передаваться и приниматься), храниться, применяться или иным образом использоваться социальными субъектами» [32, с. 58] и т.д. В общественных науках наиболее широкое распространение получила дефиниция В.Г. Афанасьева, который указывает, что информация «представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и обо всех ее других формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту общественной жизни» [33, с. 39], и А.Д. Урсула, определяющего социальную информацию, как «аспект и результат отражения обществом как самой социальной формы движения материи, так и всех других ее форм в той мере, в какой они используются обществом, вовлечены в орбиту общественной жизни» [27, с. 194].

Проанализировав определения сущности социальной информации, можно выделить два подхода, один из которых связан с активной, действующей частью знания (недействующая часть, следовательно, является потенциальной информацией). Другой подход отражен в определении В.Г. Афанасьева и А.Д. Урсула в виде совокупного результата отражения (не только знаниевого) людьми в целом объективной действительности.

Говоря о соотношении понятий «информация», «данные» и «знания», следует исходить не из их тождественности, а от их сопряженности с информационными процессами. Так, факты, выступающие на одном уровне как информация, могут быть данными для другого уровня, т.е. сведениями, служащими для какого-либо вывода и возможного решения, могут храниться, передаваться, но не выступать в качестве информации. Только после их анализа или синтеза, вычленения связей они имеют право именоваться информацией, которая имеет более высокую ценность. В этом контексте информацию можно трактовать как данные, преобразованные в значимую форму для их целесообразного использования. В свою очередь, информация в широком смысле после соответствующей познавательной обработки, фиксации и отражения в знаково-символьной форме может быть преобразована в знания. В узком смысле однозначного определения соотношения между информацией и знанием в настоящее время не выработано, но существует глубокая диалектическая связь, которая и приводит к отождествлению, особенно когда речь идет о стремительном росте научного знания и все более углубляющемся процессе информатизации общества.

В социальной теории основными взаимосвязанными составляющими процесса информатизации являются:

- медиатизация [от лат. *mediatus* – выступающий посредником] – процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации;

- компьютеризация – процесс совершенствования средств поиска и обработки информации;

- интеллектуализация – процесс развития способностей людей к восприятию и порождению информации (знания), т.е. процесс повышения интеллектуального потенциала общества, включая использование средств искусственного интеллекта.

Как отмечает И.В. Соколова, информатизация должна иметь своей целью сохранение и развитие интеллектуального мышления, ментальности, позволяющей эффективно познавать и моделировать социальные процессы в том или ином конкретном объекте на базе возможностей, предоставляемых новыми информационными технологиями [34, с. 10].

Теоретические наработки философов в области изучения сущности социальной информации в контексте теории информации, выработанной кибернетической наукой и информатикой, актуализировали их приложение к разработке теоретико-методологических проблем источниковедения. Более того, активное применение количественных методов анализа исторических источников и ЭВМ в конкретно-исторических исследованиях объективно «провоцировало» методологов истории к применению информационного подхода к рассмотрению исторических источников как носителей информации, на основе которых историк реконструирует изучаемую им общественно-историческую реальность. Тем самым было положено начало информационному источниковедению, основной целью которого является изучение «специального механизма возникновения и движения информации, письменное фиксирование которой на том или ином этапе этого движения и порождает то, что в дальнейшем может служить историческим источником» [35, с. 8].

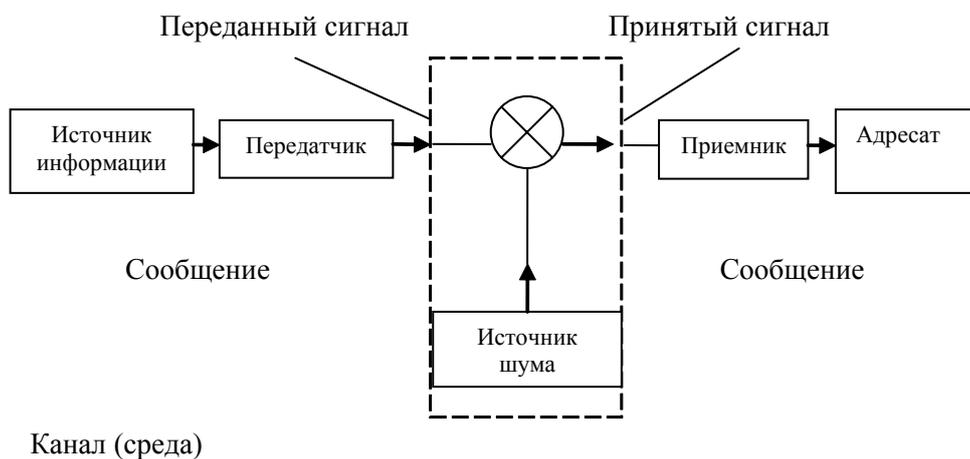
Вопрос о возможности применения информационного подхода к историческому источнику был поставлен в 1973 г. Г.М. Ивановым в его работе «Исторический источник и историческое сознание» [35, с. 8]. Но впервые попытка рассмотрения исторических источников в свете теории информации в контексте ее синтаксического, семантического и прагматического (точнее, аксиологического) аспектов была предпринята И.Д. Ковальченко [36, с. 139]. Он исходил из того, что одной из главных прикладных задач источниковедения является все более явно обнаруживающаяся потребность повышения информативной отдачи источника. Такая потребность «обусловлена тем, что всегда имеется определенное несоответствие между информацией, которая необходима историку для изучения тех или иных явлений или процессов, и тем, что непосредственно отражено в источниках. Это несоответствие порождается различиями между целями, которые преследовали «творцы» источников, и теми задачами, которые ставят историки, обращаясь к источникам» [37, с. 120]. Удовлетворить эту потребность в сведениях, которые не выявлены в уже востребованных источниках можно двумя путями: либо вовлечением в научный оборот новых, ранее не исследованных источников (экстенсивный вариант, имеющий ограничение), либо посредством повышения информационной отдачи уже известных источников (интенсивный вариант).

И.Д. Ковальченко подчеркивал, что информационный процесс в общественной сфере имеет ярко выраженный прагматический, а точнее, аксиологический аспект и характеризуется триадой «объект – информация – субъект». Объект является источником информации, а субъект ориентирован на получение актуальной информации для реализации своих определенных целей. Однако существует проблема получения избыточной информации, связанной с семантическим, содержательным аспектом социальной информации. Он обосновывал это положение тем, что многообразие и безграничность свойств и взаимосвязей явлений объективного мира приводит к тому, что в процессе информационного взаимодействия субъект всегда наряду с той информацией, которую он стремится получить преднамеренно, извлекает еще и информацию избыточную [37, с. 123-124]. Информацию, воспринятую субъектом осознанно, И.Д. Ковальченко называет выраженной информацией источника, ту же информацию, которая опосредованно структурно связана с последней через сложную систему взаимосвязей и взаимозависимостей определенных черт и свойств изучаемого явления, но неочевидна, «завуалирована», неясна для субъекта – скрытой.

Информационный процесс и информация в социальной сфере, по мнению ученого, также имеют и синтаксический аспект, связанный с выражением социальной информации в знаковой форме (описательно, измерительно, изобразительно, фоно- и светосигнально) и их фиксацией на соответствующих материальных носителях. Таковую информацию источника он предлагает назвать фиксированной в отличие от устной, незафиксированной информации.

Исследуя вопрос о степени объективности и субъективности информации, их соотношения в исторических источниках, И.Д. Ковальченко исходит из положения о том, что прагматические цели субъекта в получении объективной информации сопряжены и лимитированы лишь существующими познавательными возможностями. Он подчеркивает, что, если цель «в силу классово-партийной сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации. В тех случаях, когда субъект стремится к достижению целей, идущих в разрез с реальностью, субъективные искажения информации могут быть весьма существенными и доходить до прямой дезинформации, до полного искажения сути объекта информации» [37, с. 125]. Но даже при такой ситуации объективная информация может быть получена уже о субъекте, его целеполагании, о принципах и методах получения им информации.

Таким образом, использованный И.Д. Ковальченко информационный подход к рассмотрению природы исторического источника в контексте раскрытия понятия «социальная информация» дает возможность для более широкого и глубокого взгляда на ряд проблем изучения исторического источника.

Рисунок 3 – Общая структурная схема системы связи [39, с. 144]

Если провести сравнение между процессами передачи и обработки информации в системах связи по К. Шеннону (рисунок 3) и информационными процессами в ходе изучения исторических источников (рисунок 4), то можно увидеть, что протекание процессов передачи, хранения, переработки и получения информации проходит по одному и тому же алгоритму.

Рисунок 4 – Общая структурная схема изучения исторического источника при использовании информационного подхода [составлена автором]

Известный историк-источниковед В.И. Бовыкин отмечал, что И.Д. Ковальченко со своими учениками эффективно применил некоторые из идей теории информации к историческим источникам, особенно разработанную ими методику извлечения скрытой информации. Вместе с тем он подчеркнул, что решение подобных задач выходит за пределы традиционного источниковедения и крайне назрела необходимость рассмотрения «дошедших до нас письменных текстов, служащих историческими источниками, в качестве остатков некогда существовавших информационных систем» в свете информационного источниковедения [35, с. 9]. Одной из предлагаемых им проблем, которую необходимо решить историковедцам в будущем, является проблема изучения процесса изменения «роли письменности в общественной жизни на разных стадиях развития общества и эволюцию в этой связи

ее видовой структуры» [38, с. 330]. При этом он опирается на отмеченные им три функции зафиксированной информации с помощью письменности: передачу информации на расстоянии (различного рода корреспонденция), сохранение во времени (записи, констатирующие определенные факты, различные сочинения, излагающие житейский опыт или знания), обеспечение целенаправленного распространения информации (например, в виде надписи на камнях или с помощью печати). Таким образом, он связывает формы письменных текстов с их прямым назначением.

Далее он обращает внимание исследователей на проблему изучения роли материала или, говоря терминами информатики, носителя информации, а также техники письма, средств передачи и хранения, аппарата сбора и обработки общественно необходимой информации на той или иной стадии исторического развития человечества.

В.И. Бовыкиным проанализировано соотношение непосредственного и опосредованного отражения исторической действительности в исторических источниках и соответственно первичности или вторичности отраженной информации, фиксированности последней в синхронном (например, протоколирование, конспектирование или стенографирование) и ретроспективном аспектах (например, любая информация, зафиксированная *postfactum*, т.е. спустя какое-то время после ее получения). Крайне интересны его замечания по поводу наличия в историческом источнике умышленной или неумышленной, т.е. оказавшейся в тексте информации помимо воли его автора. Еще одна проблема, которую предлагает рассматривать ученый, – проблема содержания в письменности будущности информации с учетом ее вероятностного характера. В качестве примера он приводит императивные по смыслу тексты – законодательные акты, правовые нормы, постановления руководящих органов, инструкции, расписания и т.д., которым должны следовать члены общества. Подобный нормативный материал может помочь исследователю, по мнению В.И. Бовыкина, «увидеть в отдельных событиях и поступках людей проявление процессов функционирования общественного организма, процессов, имеющий определенную протяженность во времени» [38, с. 335].

В целом, говоря о многослойности исторической информации, содержащейся в письменных источниках, В.И. Бовыкин отмечает различную соотношенность отдельных, отличных по своему происхождению, ее слоев и прослоек (иными словами, типов исторической информации) с породившей их действительностью. В этом контексте автор статьи выражает сожаление, что в традиционном источниковедческом исследовании решение задачи расслоения (типологизации), содержащейся в тексте источника информации, невозможен. Только применяя приемы информационного источниковедения, можно снять эту проблему, опираясь на положение о том, что «всякий текст, поскольку он служит *выражением* ушедшей в прошлое действительности, безусловно, достоверен, что отнюдь не исключает наличия в нем не вполне достоверной или даже совсем недостоверной *отраженной* информации» [38, с. 335].

Таким образом, разработанные И.Д. Ковальченко и В.И. Бовыкиным вопросы изучения исторического письменного источника в свете теории информации расширяют возможности исследователей в определении характера взаимодействия информации и источника, закономерностей ее фиксации и распространения, теоретическом осмыслении и эмпирическом их воплощении в ходе источниковедческого анализа.

В целом необходимо отметить, что концепты информационного общества и основные положения современной теории информации позволяют историкам подойти на более высоком уровне к традиционным проблемам источниковедения, выработать новые подходы к проблеме периодизации всемирно-исторического развития в целом, и отечественной истории, в частности.

Литература

- 1 Clark, C. *The Condition of Economic Progress*. – L., 1957. – 232 p.; Фурастье, Ж. Великая надежда XX века. – М.: АСТ, 2001. – 235 с.; Алексеева, И.Ю. Что такое общество знаний? – М.: Когито-Центр, 2009. – 96 с.
- 2 Machlup, F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. – Rrinceton, 1962. – 215 p.; Machlup, F. *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*. – Rrinceton, 1980. – 198 p.
- 3 Dordick, U., Wang, G. *The Information Society: A Retrospective View*. – Newbury, Park-L, 1993. – 128 p.
- 4 Porat, M. *The Information Economy Definition and Measurement*. – Washington, 1977; Porat, M. *Information Worker within Bureaucracies // ASIS Bulletin*. – 1984. – № 2. – P. 15-17.
- 5 Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. / под ред. Иноземцева В.Л. – М.: Академия, 1999. – 782 с.
- 6 Masuda, Y. *The Information Society: as Post-Industrial Society*. – Tokyo, Japan: Institute for the Information Society, 1980. – 171 p.
- 7 Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В. Никуличева // Новая технок-

- ратическая волна на Западе / под ред. Гуревича П.С. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия», №2) – М., 1986. – 64 с. – С. 57-59.
- 8 Служба тематических словарей в Интернет «Глоссарий.ru» [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glossary.ru/> (дата обращения: 28.11.2008).
- 9 Bell, D. The Third Technological Revolution and its Possible Socio-Economic Consequences // *Dissent*. – 1989, Spring. – Vol. XXXVI, № 2. – P. 56-187.
- 10 Иноземцев, В.Л. Альтернативность общественного развития // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. – 1991. – № 4. – С. 3-18; Иноземцев, В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // *Вопросы философии*. – 1997. – № 10. – С. 29-44; Иноземцев, В.Л. Концепция постэкономического общества // *Социологический журнал*. – 1997. – № 4. – С. 10-21; Иноземцев, В.Л. Постиндустриальный мир Д. Белла. Предисловие к книге Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». – М.: Академия, 1999. – С. III-LXXXIX; Белл, Д., Иноземцев, В. Эпоха разобщенности. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 398 с.
- 11 Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. уч. пос. для ст-тов эконом. напр-й и спец-стей. – М.: Логос, 2000. – 190 с.
- 12 Эшби, У. Введение в кибернетику. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 432 с.
- 13 Моль, А. Теория информации и эстетическое восприятие. – М.: Изд-во «Мир», 1966. – 352 с.
- 14 Harrar, D. *Communication: A Logical Model*. – Cambridge: Massachusetts: The M.I.T. Press, 1963. – 450 p.
- 15 Карнап, Р. Значение и необходимость. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 327 с.; см. также: Carnap, R. *Introduction to Symbolic Logic and Its Applications*. – New York: Dover Publications Inc., 1958. – 318 p.; Bar-Hillel, J., Carnap, R. *Semantic Information* // *The British J. for the Philosophy of Science*, 4. – 1953. – № 14. – P. 32-48.
- 16 Шеннон, К. Математическая теория связи. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – 398 с.
- 17 Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в живых организмах и машинах. – М.: «Советское радио», 1953. – 535 с.; Винер, Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд. иностр. лит., 1959. – 589 с.
- 18 Шрейдер, Ю.А. Равенство, сходство, порядок. – М.: Наука, 1971. – 215 с.
- 19 Харкевич, А.А. О ценности информации // *Проблемы кибернетики*. – М.: Наука, 1965. – Вып. 4.
- 20 Использование проблемно-ориентированных баз данных по общественным наукам в научно-информационной деятельности (препринт научного доклада) // под науч. рук. Скомарцевой И.В.. – Ленинград: СППО-2, 1989. – 56 с.
- 21 Проблемы информационного обеспечения социально-экономических исследований (препринт научного доклада) / под науч. рук. Скомарцевой И.В. – Ленинград: СППО-2, 1988. – 46 с.
- 23 Юсупов, Р.М., Заболотский, В.П. Научно-методологические основы информатизации. – СПб.: Наука, 2000. – 315 с.
- 24 Историческая информатика / Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М. и др. / под ред. Бородкина Л.И., Гарсковой И.М.. – М.: Изд-во «МОСГОРАРХИВ», 1996. – 400 с.
- 25 Готт, В.С., Семенюк, Э.П., Урсул, А.Д. Социальная роль информатики. – М.: Знание, 1987. – 64 с.
- 26 Глушков, В.М. Основы безбумажной информатики. – М.: Наука, 1982. – с. 395.
- 27 Урсул, А.Д. Информация. Методологические аспекты. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
- 28 Романенко, А.Г., Самойлюк, О.Ф. Информационно-поисковые системы: Учеб. пособие. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. – 85 с.
- 29 Гарскова, И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. – Москва-Göttingen: Институт истории общества Макса Планка, 1994. – 215 с.
- 30 Иванов, О.В. О социальной информатике [электронный ресурс] // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Ломоносовские чтения – 2003 г. – Режим доступа: http://lib.socio.msu.ru/libragy_e (дата обращения: 22.11.2009).
- 31 Социальная информация [электронный ресурс] / Сайт «Википедия». – Режим доступа: <http://ru.wikipedia> (дата обращения: 12.11.2009).
- 32 Варганов, В.В. Социальная информация: сущность и функции [электронный ресурс] // Сайт фундаментальной библиотеки имени императрицы Марии Федоровны – Режим доступа: http://ftp.lib.hersen.spb.ru/text/varganov_93_52_61.pdf. – С. 52-61 (дата обращения: 22.11.2009).
- 33 Афанасьев, В.Г. Социальная информация и управление обществом. – М., 1975. – 315 с.
- 34 Соколова, И.В. Социальная информатика. – М.: Издательство МГСУ, 2002. – 256 с.
- 35 Бовыкин, В.И. Проблемы изучения исторической информации (к вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Специальный выпуск. Тезисы докладов и сообщений VI конференции АИК. Звенигород, 26-29 марта 1998 г. – 1998. – № 23. – С. 8-9.
- 36 Ковальченко, И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: к постановке проблемы // *История СССР*. – 1982. – № 3. – С. 129-148.
- 37 Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.: илл.
- 38 Бовыкин В.И. К вопросу о закономерностях фиксации исторической информации в исторических ис-